

РОМАН АНДРЕЯ ИВАНОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ХАНУМАНА НА ЛОЛЛАНД» КАК ПРОВОКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ (НА ОСНОВЕ ПОСТУЛАТОВ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ)

Александра Шалкине

Вильнюсский университет

В статье анализируется потенциал воздействия романа Андрея Иванова «Путешествие Ханумана на Лолланд» на читателей. Методологической основой исследования является рецептивно-эстетическая теория Х. Р. Яусса и В. Изера, согласно которой автор, создавая свой текст, ведет определенную игру с читателем. Основной прием воздействия – провокация, влекущая за собой изменение мировоззрения читателя, сдвиги горизонтов ожиданий и формирование «нового» значения текста для определенных социальных, исторических и культурных условий. Вскрывая семиотические коды чтения, уже заложенные в «Путешествии», можно объяснить успех книги у публики разных возрастов и стран, причины ее номинации на крупные российские премии и прочие аспекты. Последовательно анализируются название произведения, система персонажей и другие элементы текста. Объясняется, почему роман, с одной стороны, шокирует читателя обилием нецензурных слов и сленга, с другой – завораживает и держит в напряжении. С помощью разнообразных приемов манипуляции читательскими ожиданиями Андрей Иванов ведет диалог с современниками, побуждая их иначе взглянуть на устройство мира и его ценностные установки.

Ключевые слова: горизонт ожидания, провокация, антикосмополитизм, путешествие, пародия, система персонажей.

Keywords: horizon of expectations, provocation, anti-cosmopolitanism, journey, parody, system of characters.

Генезис и содержание рецептивной эстетики

Формалистская критика и теория литературы воспринимали произведение как самоценный объект. Герменевтика заинтересовалась диалогичностью текста, читателем и его значением в процессе чтения. Читатель попадает в «герменевтический круг» восприятия текста и, сравнивая произведения с другими

текстами, используя знания о творчестве автора, «осуществляет реверсивную авторскую правку стиля» и таким образом приобретает рецептивный опыт (Безруков 2015, 183). Исследователь Вильгельм Дильтей утверждал, что произведение передает дух эпохи, поэтому цель интерпретатора – реконструировать его в своей интерпретации (Jurgutienė 2013, 123). Позже Мартин

Хайдеггер говорил об «экзистенциальном варианте рождения смысла», когда восприятие текста определяют «предварительные установки сознания интерпретатора» (Безруков 2015, 184), поэтому «просвечивающийся» смысл текста не может быть отделен от врожденных и выработанных ментальных установок, ожиданий или предрассудков читателя. Ханс-Георг Гадамер также утверждал, что интерпретация – это диалог, разговор читателя и автора на важную для них обоим тему. Эту идею в своих работах развивали Ханс-Роберт Яусс и Вольфганг Изер, родоначальники рецептивно-эстетической критики, выступающей в качестве методологической основы данной статьи.

Роман «Путешествие Ханумана на Лолланд» в свете некоторых идей рецептивной эстетики

Роман «Путешествие Ханумана на Лолланд» написан в 2009 г. автором, проживающим в Эстонии, но пишущем на русском языке. В 2009 г. роман получил премию эстонского фонда «Капитал культуры» (*Eesti Kulturkapital*), в 2011 г. был переиздан в престижном издательстве АСТ и вошел в шорт-лист литературной премии «Русский Букер». Андрей Иванов активно участвует в общественной жизни и дает интервью представителям СМИ («Частный корреспондент», «Новые облака», радио «Свобода» и проч.). Исследовательских работ о романах Иванова написано немного (Т. Лаукконен, И. Белобровцева, А. Ковамеес, Н. Милехина, Ю. Поблуднова, А. Аствацатуров и др.), хотя в литературоведческих кругах постоянно растет интерес к русскоязычной лите-

ратуре малых народов и к творчеству писателей, пишущих на русском языке, за пределами РФ (вспомним, например, лауреатов премий «Большая книга» и «Национальный бестселлер» за 2015–2016 гг.). Цель рецептивной критики и, соответственно, данной статьи – найти закономерности эстетического и социального воздействия литературы, распознать механизмы и способы формирования восприятия текста читателем. По Яуссу, исследуя способы рецепции публики, критику удастся увидеть в произведении историю, общественные сдвиги и понять, почему произведение было отвергнуто или, наоборот, принято аудиторией. Что касается романа «Путешествие Ханумана на Лолланд», то, на наш взгляд, в сложившейся геополитической обстановке идеи А. Иванова, высказанные в этом произведении, особенно актуальны, что обуславливает необходимость тщательного анализа этого текста.

Роман является первой частью трилогии, посвященной скитаниям эстонца Юджина и его друга индуса Ханумана по лагерям для беженцев в Скандинавии. Мы будем рассматривать «Путешествие...» отдельно от двух других частей трилогии («Бизар» и «Исповедь лунатика»), чтобы показать потенциал воздействия на читателя именно первого романа. В дальнейшем автор статьи планирует подобным образом рассмотреть вторую и третью части «триптиха» и показать процесс трансформации сквозных тем и главного героя.

Теоретики, использующие теорию коммуникации и методологические концепции рецептивной эстетики, выделяют несколько способов влияния художественного произведения на чи-

тателя. Один из них – «тайна занимательности», то есть, вопрос, цитата, намек, позволяющий сконцентрировать внимание читателя, заинтриговать его (Говорухина 2007, 24). Обратимся к одному из интервью Иванова. В беседе с главным редактором сайта «Радио Свобода» Дм. Волчком Иванов рассказал, что во время поездки к родственникам в Данию он встретил некоего индуса. Оказавшись вместе с ним в лагере для беженцев, писатель прожил там год, а позже написал роман (Волчек 2010). Благодаря подобным интервью с отсылками к некоему человеку и якобы происходившим с самим автором событиям, Иванов провоцирует читателя, заставляя его поверить в возможность реального существования описанного в романе хаоса и убрать барьеры «вымышленности». Автор через свое общественное поведение (публичные высказывания, непосредственное общение с читателями и проч.) оказывает влияние на интерпретацию и оценку своих текстов, на их функционирование в читательской среде, становится медиатором между текстом и референтной группой читателей (см. Берг 2000, 234). Одновременно Иванов подчеркивает, что текст – «не калька с его самого. Это просто дым от его сигареты...» (Котюх 2010). В итоге, читатель, оказавшийся между художественным вымыслом и автобиографичностью романа, должен (или хочет) понять, где заканчиваются документальные свидетельства и начинается эстетическое преломление реальности. Стоит оговорить, что мы, вслед за В. Изером, рассуждаем об **имплицитном читателе**, то есть предполагаемом автором адресате, обладающим определенным набором литера-

турных и социокультурных знаний и способным понять текстовый код или модель (Iser 1974). Заметим также, что в связи с тем, что роман Иванова написан всего несколько лет назад, мы не можем провести сравнение горизонтов ожиданий **исторических читателей**, как это делал Яусс, демонстрируя расширение и изменение смыслов произведения с течением времени (см. Jauss 1989), поэтому оперируем понятием, предложенным Изером.

Потенциальные возможности произведения занять определенное место в литературном контексте и расшатать устоявшиеся стереотипы и воззрения читателя представители рецептивной критики определяют через категорию **провокации** – «исходного и постоянно повторяющегося вызова» (Яусс 1995, 46). «Путешествие Ханумана на Лолланд», по сути, является «романом без сюжета» – это вызов читателю определенного социально-культурного сегмента, привыкшему к сюжетным повествованиям, наполненным многочисленными событиями и действиями (например, сравните пользующиеся популярностью многотомные саги о фантастических мирах с десятками или даже сотнями действующих лиц). Текст Иванова – поток мыслей героя, который ни к чему не приводит. Заявленный в названии романский жанр – травелог – является обманом: «о путешествии только говорится, а сюжет романа “топчется на месте”» (Лаукконен 2013). Подобное «бездействие» – еще одна провокация читателя: преодоление стереотипов [в данном случае, связанных с жанром путешествия – *А.Ш.*], путем включения в название произведения хорошо узнаваемого ассоциативного поля

(см. Говорухина 2007, 23). В интервью Игорю Котюху Иванов заявил, что лучший роман – тот, в котором все, что происходит, «ни к чему не ведет», действие «смысла как такового не имеет, не несет в себе морали, и даже не намекает на тайну бытия...» (Котюх 2010). Подобная установка входит в резкий контраст с классической русской традицией поучающей и наставляющей литературы и, безусловно, больше ориентируется на «поток сознания» Джойса, Пруста и других модернистских писателей.

Жанровые особенности романа в свете конвенциональных ожиданий читателя

Особое место в рецептивной эстетике занимает «горизонт (читательских) ожиданий», который (отчасти) являет собой «предпонимание жанровых особенностей, формы и тематики известных к этому времени произведений» (Яусс 1995, 59). Наталья Мелехина, вслед за самим А. Ивановым, называет «Путешествие...» «старым добрым плутовским романом на материале XXI века», главные герои которого – «хамоватые плуты нового поколения» (Мелехина 2012). Это маргиналы, аферисты, люди без профессии, но владеющие множеством навыков, необходимых для обмана. Герои своим образом жизни и мировоззрением бросают вызов окружающему их миру и оспаривают идею о его изначальной красоте (сведущий читатель должен вспомнить ставшую расхожей формулу Достоевского о том, что «красота спасет мир»). Подробное описание физиологических явлений и процессов, характерное для плутовского романа, не может не шокировать читателя. При-

чем, в «Путешествии...» грань между физическим и интеллектуальным зачистую стирается: «Я... запускал глаза в потолок, с которого, как экскременты голубятни, вместе с дождем нисходили на меня мысли» (Иванов 2011, 380). Иначе говоря, эстетическая функция произведения – шокировать аудиторию, изменить ее горизонт ожидания, повлияв на существующий набор априорных знаний и читательский опыт публики.

Некоторая пародийность «Путешествия» связана с предшествующим плутовскому роману жанром средневекового рыцарского романа. Provocationное повествование Иванова рассказывает не о благородных рыцарях, а о двух нелегалах, у которых вместо коней – чуть живой автомобиль без номеров и/или их собственные искалеченные ноги. Прекрасные дамы – две шестнадцатилетние сербки, выдающие себя за совершеннолетних, чтобы получать пособие как для взрослых.

Социально-политический контекст романа в свете конвенциональных ожиданий читателя

Апелляция к социокультурному опыту читателя, когда благодаря играм автора у читателя рождается определенное воспоминание – еще один способ воздействия на публику (Говорухина 2007, 23–24). Этот прием наиболее эффективен, поскольку эмоциональная привязанность первична и сильнее культурной. Поэтому, для того чтобы объяснить жизненную позицию главных героев романа – Юджина и Ханумана, следует воссоздать социально-политический контекст романа. Лагерь для беженцев –

пародийная модель Европы XX в., в которой нелегальные мигранты «воплощают все европейские страхи нашествия варваров с Востока» (Биргер 2010). Провокационность взглядов Иванова заключается в его «антикосмополитизме», изображении обратной стороны «европейских ценностей»: «Флаг в каждом доме. Флаг, что полощется как тряпка... Они тут даже ветер протирают патриотизмом» (Иванов 2011, 9); «И им нужна королева, разумеется. Принцесса в принципе не нужна, слишком хороша, сказочно хороша» (Иванов 2011, 29).

В конце 1990-х гг. в Данию, о которой идет речь в романе Иванова, хлынула многотысячная волна беженцев, с которой страна уже не справлялась. Однако, привыкнув быть страной-благотелем, Дания продолжала принимать мигрантов и рассматривать их «кейсы», игнорируя бесчеловечность процесса подтверждения статуса беженца, условия их жизни и отношение датчан к чужестранцам. В расчете на шокирующий читателя эффект, Иванов сравнивает распространившийся по всей стране невыносимый запах навоза с реальными экономическими процессами, затрагивающими сосуществование эмигрантов и датчан: «Запах был редчайшей убийности. Настоянный в чанах на азулянтском дерьме, смешанный... с экологическим чистыми [что очень важно для борющейся за экологию Европы – А.Ш.] удобрениями» (Иванов 2011, 57). На примере Дании Иванов показывает апокалиптическое будущее всей Европы. Через свой текст Иванов заставляет читателя посмотреть на европейскую политику по-другому и осознать весь страх и боль там, где европейцы привы-

кли видеть «мощный колосс государства всеобщего благосостояния» (Велмет 2016). Эту идею Иванов повторяет в своем интервью эстонской газете «День за днем», говоря, что «никакого единого социума нет, а есть частные цели, каждый стремится устроить свою частную жизнь... Человечеству наплевать. Оно обеспокоено тем, что выходит Windows 7 или новая модель телефона» (Караев 2011).

Итак, горизонт ожидания читателя диктует определенные критерии восприятия и понимания текста (жанровые: травелог и плутовской роман, устоявшиеся геополитические стереотипы, внушенные идеалы), которым роман Иванова не соответствует. Происходит «сдвиг горизонта», в процессе чтения формируется новый рецептивный опыт, в свою очередь влияющий на формирование обновленного мировоззрения читателя.

Название романа как «эстетическая провокация»

Прежде всего, воссоздавая привычную для читателя ситуацию и идею (Говорухина 2007, 24), Иванов «играет» на всеобщей мечте жителей бывшего СССР уехать в Америку. Провокационный аспект заключается в том, что носителем «американской мечты» является индус Хануман: «Именно в Америке его будущее должно было стать настоящим» (Иванов 2011, 16). Для Юджина недостижимая мечта индуса важна как причина невозвращения в Эстонию: «До тех пор пока Хануман едет в Америку, я не еду домой» (Иванов 2011, 49). Для него индус был «не просто человеком, он был частью мифа» (Иванов 2011, 49).

Здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом: экзистенциальная идея высшей жизненной цели (будь то служение Богу, обществу, самоотдача во имя мира на земле и проч.) пародируется Ивановым, превращаясь в далекий мираж-путешествие в Америку, которое герои не стремятся реализовать, но которым прикрываются, волоча бесполезное существование.

Каково же было изумление и негодование Юджина, когда Хануман заявил, что больше не едет в Америку, а едет на Лолланд – «датскую Ибицу». В русском варианте остров называется Лоллан, в английском – производное от слов «low land», в датском – это «Lolland» (произносится как «Laaland»). Почему Иванов употребляет неточную лексическую форму? На наш взгляд, – для провокации молодых, плененных интернетом читателей. Аббревиатура LOL превратилась в сленговый термин. Дословно расшифровывается как *laugh out loud* или *lots of laughs* (громко, вслух смеяться; много смеха). Частая форма – TROLOLOL, имеющая более негативную коннотацию и подразумевающая интернетовский троллинг – умышленную провокацию, стремящуюся вызвать максимально негативную реакцию собеседников. Исходя из данного предположения, можно сказать, что в названии романа содержится насмешка автора над редуцированными ценностями и размеренной жизнью Европы. Английский вариант *Lowland* (низкая местность, низина), а также тот факт, что Лоллан из-за его рельефа называют *pancake island* (остров-блин) отсылают читателя к мысли о прямой параллели с самим Хануманом. Индус так низко пал

за время своего путешествия, что стал «в доску плоский... Его можно запечатать в конверт и отправить в Индию обратно письмом!» (Иванов 2011, 400). Всё вокруг, включая героев, «обесформилось», «деиндивидуализировалось» (Аствацатуров 2006, 106), обнулилось.

Таким образом, в названии романа и рассуждениях о мечте-Америке скрыта двойкая провокация, способная вызвать реакцию как старшего поколения читателей, которым были знакомы советские репрессированные идеалы и мечты, так и молодежи, мыслящей в категориях киберпространства. Таким образом создается «эффект единомыслия», посредством которого автор снижает «сопротивление» читателя, заставляя его воспринимать высказанное в тексте менее критично (Говорухина 2007, 23–24). Другими словами, Иванов пытается преодолеть временную дистанцию между читателями разных генераций и сделать свой текст доступным для разных сегментов читательской аудитории. В том числе и для той, которая воспитана модной в современной русской литературе буддистской составляющей художественных текстов (В. Пелевин и другие). Для «классического» читательского горизонта ожиданий буддизм – религия душевного равновесия и гармонии с окружающим миром. Но в романе буддист Хануман выступает в роли взбалмошного, эмоционального героя-трикстера, далекого от рассуждений о Боге или религии. Свое равнодушие к вере персонажи объясняют «небеспристрастностью» института церкви к политике и политическим интригам: «религия всегда измышляется так, чтобы поддерживать политику» (Иванов 2011, 79).

Символика имен героев романа и «эстетическая дистанция»

Понимая, что «акт эстетической рецепции всегда погружен в контекст» (Фомин 2015, 171), остановимся на символических именах центральных персонажей.

Имя Хануман имеет несколько коннотаций. Хануман – это индуистское обезьяноподобное божество. В «Путешествии» пародируются основные вехи жизни божества¹, в том числе финал сказания о боге Ханумане, где повествуется о том, как он превращается в обезьяну. На последних страницах «Путешествия» индус пишет Юджину странное письмо о том, что он постепенно трансформируется в обезьяну. На этом моменте остановимся подробнее. Письмо Ханумана содержит в себе двойную провокацию читателя: с одной стороны – это отсылка к искривленному индийскому мифу, с другой – к «Превращению» Франца Кафки. Предвидя самый ужасный кафкианский финал, Юджин (а вместе с ним и читатель) бросает все и едет к Хануману. Но и здесь господствует прием комического снижения возможных читательских ассоциаций, связанных с мучительной смертью Грегора у Кафки и, следовательно, сострадательно окрашенных по отношению к герою Иванова. Индус же в романе «Путешествие» пишет письмо

¹ Например, способность «сына бога ветра» быстро перемещаться в пространстве Иванов обыгрывает постоянными переездами Ханумана. Сломанная челюсть божества в «Путешествии» трансформируется в «язык без костей», в завораживающую речь, которая подталкивает к безрассудным действиям. Также, во время военного похода, бог Хануман перепрыгнул через океан и достиг цели. В этом случае профанируется «американская мечта» героя, который с самого детства едет в Америку и никак не может туда доехать и проч.

в надежде получить статус беженца из-за умственно-психических недостатков.

Вторая ассоциация, возникающая у читателя в связи с именем героя, – водевиль «Ханума» А. Цагарели (легший в основу знаменитого спектакля режиссера Г. Товстоногова, а затем – известной кинокомедии), рассказывающий о хитрой и проворной свахе Хануме, обманувшей глупого князя в Тифлисе в конце XIX в. Эта аллюзия значима, так как связана с авантюрно-комедийным жанром, когда сложно определить границы между добром и злом. Миром «Ханумы» и «Путешествия» правит хитрость и умение обманывать, а маркеры «хорошо» и «плохо» как таковые не существуют.

С рассказчиком в романе все намного сложнее. У него есть несколько имен: Евгений–Женя–Юджин–Юдж–Иоганн–Йоганн. Все эти имена были выдуманы. Герой мифологизировал свою жизнь: «Именно легенда была тем, что мне давало крепость» (Иванов 2011, 328). Имя, которым героя называл Хануман, – Юджин, на наш взгляд, отсылает к писателю, лауреату Нобелевской премии по литературе Юджину О' Нилу². Герой Иванова – тоже писатель, но его писательство остается за кадром, о нем свидетельствуют лишь многочисленные оговорки Ханумана. На близость к пишущим людям намекают и иные имена героя: можно провести параллели со всеми Иоганнами в литературе (Гете, Шиллер и др.). Фактически, да-

² Во-первых, он американец, во-вторых, автор пьес, одна из которых – «Волосатая обезьяна: Комедия древности и современности», в-третьих, удостоился одной из самых престижных мировых премий (выдаваемой в Скандинавии!) за нелицеприятные описания жизни Америки.

вая Юджину имена литературных деятелей, Хануман указывает ему на необходимость записи всего того, что с ними происходит, что, исходя из установок героев, – абсурдно и бесполезно. Такая двойственность не может не сбить читателя с толку.

Пытаясь решить проблему временной дистанции между автором и читателем, Х. Р. Яусс вводит понятие **эстетической дистанции** – «расстояния между заданным горизонтом ожиданий и появлением нового произведения» (Яусс 1995, 62). Для более детальной демонстрации данного приема, остановимся на изначально выбранном героем имени Евгений. На наш взгляд, выбор носит пародийный характер, отсылая читателя к самому известному русскому денди и страдающему эгоисту – Евгению Онегину. По Яуссу, эстетическая рецепция текста может стать активной формой созидания новых произведений, когда писатель пишет свой «ответ» на ранее созданное произведение. Иванов в нашем случае вскрывает неразрешенный вопрос романа в стихах в саге XX в.: как и где найти себе применение образованному, но уставшему от светской жизни молодому человеку? Другой частый вопрос читателей пушкинского романа: что стало с Онегиным после описанных в романе событий? Согласно Иванову, Онегин покинул отечество и стал скитальцем, прозябающим в наркопритонах и лагерях для беженцев. Пали и моральные устои русского дворянина, имеющего в XX в. эстонские корни. Он остался страдающим эгоистом, но стал «подлецом» (Иванов 2011, 322). В любовной коллизии Юджин, подобно Онегину, отвергшему Татьяну, отказывается воспользоваться на-

ивностью девушки (сделал он это уже после лишения ее невинности). Герой сам травестийно-полюемически сопоставляет себя с пушкинским персонажем: «Я не куплю ножницы, не украду щипчики, нет, я буду пальцами отламывать ноготь!.. оторву с кровью, с мясом» (Иванов 2011, 99). Иванов низводит литературный прототип своего героя до трагического абсурда, если учесть, что неспособность Евгения найти себе место в жизни сочетается с владением языками и хорошими манерами.

Но если Юджин – это Онегин XX в. без родины и дома, то, значит, Хануман – Ленский, воссоздаст читатель знакомую культурную ситуацию. Но, стремясь еще больше увеличить эстетическую дистанцию между классическим произведением, читателем и «Путешествием», Иванов спутником нового Онегина делает не Ленского, а героя другого, не менее известного, текста – авантюриста Остапа Бендера. Мечты Ханумана об Америке перекликаются с мечтами героя И. Ильфа и Е. Петрова о Рио-де-Жанейро; есть сюжетное сходство и в полукомической истории об истинном и ложном авторстве некоего замысла³. В тексте можно найти и иные отсылки к герою Ильфа и Петрова (связанные с многочисленными авантюрами персонажей романа Иванова), но в данной статье мы их затрагивать не будем.

³ В романе есть эпизод, схожий с претензией Бендера на авторство пушкинского стихотворения. Хануман придумывает соединить шаварму с тортилой и создать новое блюдо: «Идея! Бриллиантовая идея! Это будет ЧАПАТИЛЛА!» (Иванов 2011, 373). Долгое время Ханни бредит идеей открыть сеть закусокных «Чапатилла» и разбогатеть. Но однажды, идя с Юджином, он увидел, что «на стекле ресторанной витрины было написано: “Чапатилла-ресторан!”» (Иванов 2011, 395).

Итак, Иванов взламывает временную дистанцию между литературными эпохами, создает мозаичных персонажей из представителей художественных произведений разных веков. Заметим при этом, что все эти герои, встретившиеся в литературном пространстве конца XX в., изменились и обмельчали. Пример тому – члены русского семейства Потаповых в лагере для беженцев. Это образец разложившихся семейных ценностей и обнищавшей морали. Читатель испытывает этический шок не только из-за жестоких сцен избиения и издевательства главы семейства над женой и дочерью, но и в связи с тем, что взаимоотношения в семье Потапова не вписываются в имеющийся опыт читателя. Как заметила Ирина Белобровцева, через семью Потаповых автор пародирует русский фольклор и «Бедную Лизу» Карамзина (Белобровцева 2014). «Русскость» в романе показана саркастически и доведена до абсурда: то Потапов решает сделать «творожную революцию» в Дании (Иванов 2011, 207), то посреди комнаты вырывает яму, которая служит погребом для картошки (Иванов 2011, 229), и, главное: «Мечтой Михаила были императорство, владычество, тирания и деспотизм» (Иванов 2011, 147). Юджин так резюмирует такое поведение: «По-видимому, Потапов не мог удержаться, чтобы не воссоздать подобие того мирка, в котором существовал в России» (Иванов 2011, 229). На первый взгляд, это та же русская эмигрантская ностальгия и страдание вдали от Родины. Но манера поведения Потапова и его общение с семьей дают читателю понять, что за спиной у этого персонажа нет той России с одухотворенными и благородными людьми, ко-

торая жила в сознании эмигрантов начала XX в.

Тем не менее, тема потерянной Родины проходит через роман красной нитью. Для Юджина это двойная потеря. Во-первых, распад Советского Союза, который «на идеал не тянет» (Белобровцева 2014), во-вторых, эмиграция. У героя нет ни корней, ни связей, ни дома. Он тщательно скрывает, что родом из Прибалтики и больше всего на свете боится вернуться в Эстонию. У него полностью отсутствует «региональное самосознание» и соответствующее ему понятие Родина (Артановский 2012, 6–7). Парадокс в том, что и в Европе Юджин не имеет статуса нуждающегося в защите беженца. В конце 1990-х гг. «в Прибалтике заправляла коррумпированная полиция и мафиозные структуры, но западные страны хотели видеть в этом более-менее защищенную демократию» (Велмет 2016), где «нет и не может быть проблем. Из Прибалтики нет и не может быть беженцев. В Прибалтике даже лучше, чем в Скандинавии!» (Иванов 2015, 299). Соответственно, даже в мире отбросов, наркоманов и тунеядцев, стремящихся поселиться в Дании, Юджин был чужаком, выброшенным за пределы любой действующей системы. Это лишь усиливает трагизм повествования, заставляющий читателя, несмотря на все описанные ужасы и отвращение, сопереживать герою и искренне ему сострадать.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что центральные герои в романе Иванова – Хануман и Юджин – представлены в качестве абсолютных маргиналов. спосо-

бом выражения своего отстранения от существующей реальности герои выбирают демонстрацию собственных недостатков и пороков. В одном из интервью Иванов говорит: «Просто видишь, насколько мир несовершенен и жесток, и ничего другого, кроме своего личного несовершенства противопоставить не можешь» (Котюх 2010). Персонажи не романтизируются, потому что они не предпринимают героических усилий по изменению мира (или собственной жизни), чего от них ждал бы читатель, а плывут по нему, погружаясь все глубже на дно.

Иванов ведет тонкую игру с читателем, постоянно пытаясь дестабилизировать его горизонт ожиданий, показать мир с другой перспективы, открыть новые истины. Другими словами, «шоковая поэтика романа оказывается оправданной» (Поблуднова 2010). Осознавая дистанцию между автором и читателем, писатель ориентируется на читающую публику разных слоев и возрастов, включая в свой текст отсылки к разноуровневым и разнохарактерным аспектам жизни и культуры: историческим событиям, ценностям, законам, интернет-сленгу, классической мировой литературе, элитарным художественным текстам, массовому искусству (фильмам и песням). В статье мы не рассматривали тексты предшественников, повлиявшие на создание «Путешествия». Вкратце упомянем, что

в романе есть следы ассоциативного взаимодействия с «Войной и миром» и «толстовщиной» вообще, «Маугли» Р. Киплинга, «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского, «Голодом» К. Гамсуна, «Тропиком Рака» Г. Миллера, «Путешествием на край ночи» Л. Ф. Селина, «Венериным волосом» М. Шишкина, «Белокуроыми бестиями» М. Климовой, «В дороге» Д. Керуака, «Джанки» У. С. Берроуза, произведениями Ж. Жене, Э. Лимонова и других авторов.

При чтении романа Иванова происходит «не наивное смешение горизонтов», а их трансформация, когда ожидания читателя корректируются и расширяются при помощи исторического и культурного опыта Другого (Яусс 1994, 97). Все провокационные новаторские элементы, введенные в текст, оказались необходимыми для демонстрации изменившейся геополитической карты мира и происходящих в европространстве процессов – массовой миграции народов и их проблемном сожительстве с коренными жителями.

А. Иванов направляет рецептивный опыт читателя в необходимом ему направлении, настраивает на определенный лад восприятия произведения, формирует новые для читателя идеи и/или ценности. По словам писателя, таким образом он заставляет «двигаться против течения, пытаясь остановить мир» (Иванов 2011, 380).

ЛИТЕРАТУРА

- Артановский, С. Н. 2012. Понятие родины: современные модификации. *Вестник СПбГУ-КИ*. 3 (16). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-rodiny-sovremennye-modifikatsii> [см. 29 08 2017].
- Аствацатуров, А. А. 2006. Андрей Иванов и Генри Миллер: опыт сопоставительного анализа. *Вестник СПбГУ*. Сер. 9. Вып. 3, 101–108.
- Безруков, А. Н. 2015. Эстетика воздействия текста на читательское сознание. *Вестник Димитровградского инженерно-технического института* 1(6), 181–188.
- Белобровцева, И. 2014. Писательство как постоянная «стадия зеркала»: Андрей Иванов, прозаик из Таллинна. *Вопросы литературы* 2, 254–271. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/2/14b.html> [см. 10 05 2017].
- Берг, М. 2000. *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Биргер, Л. 2010. Роман из ничего. «Путешествие Ханумана на Лолланд» Андрея Иванова. *Коммерсант.ру*. 2010.11.22. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1544034> [см. 12 04 2017].
- Велмет, А. 2016. Воспитание чувств Евгения Сидорова и экономика аффекта в государстве всеобщего благосостояния. Пер. О. Ротарь. *Журнал «Плуг»*. Режим доступа: <http://plug.ee/2016/08/vospitanie-chuvstv-evgeniya-sidorova-i-ekonomika-affekta-v-gosudarstve-vseobshhego-blagosostoyaniya/> [см. 7 05 2017].
- Волчек, Д. 2010. [участие в дискуссии] Путешествие писателя Иванова по сновидениям индийского принца в Дании. *Радиожурнал «Поверх барьеров»*. *Радио Свобода*. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/2223723.html> [см. 10 04 2017].
- Говорухина, Ю. А. 2007. Специфика современного литературно-критического текста как коммуникативного пространства. *Вестник Тамбовского государственного университета* 4 (48), 22–25.
- Иванов, А. 2011. *Путешествие Ханумана на Лолланд*. Москва: АСТ, Астрель.
- Иванов, А. 2015. *Исповедь лунатика*. Романы, Таллинн: Авенариус.
- Котюх, И. 2010. [участие в беседе] Андрей Иванов: мне не нужны ключи от квартиры в Париже! *Новые облака* 1–2. Режим доступа: <http://tvz.org.ee/index.php?page=430> [см. 15 04 2017].
- Караев, Н. 2011. [участие в беседе] Андрей Иванов: приходится быть отдельно от мира. *Rus. Postimees.ee*. Режим доступа: http://www.myeestonia.ru/publ/andrej_ivanov_prikhoditsja_byt_otdelno_ot_mira/16-1-0-633?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter [см. 12 04 2017].
- Лаукконен, Т. 2013. Балтийская русская литература: письмо из ниоткуда? *Новые облака* 1–2. Режим доступа: <https://www.oblaka.ee> [см. 12 04 2017].
- Мелехина, Н. 2012. Андрей Иванов. Путешествие Ханумана на Лолланд. *Знамя* 4. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/4/me19.html> [см. 12 04 2017].
- Подлубнова, Ю. 2010. Будни «азулянта». *Урал* 12. Режим доступа: <http://uraljournal.ru/work-2010-12-175> [см. 23 04 2017].
- Фомин, К. А. 2015. Концепции рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса как принцип конституирования и динамики литературной традиции. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 2 (30), 169–176.
- Яусс, Х. Р. 1994. К проблеме диалогического понимания. *Вопросы философии* 12, 97–106.
- Яусс, Х. Р. 1995. История литературы как провокация литературоведения. *Новое литературное обозрение* 12, 34–84.
- Iser, W. 1974. *The Act of Reading*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Iser, W. 2011. Teksto suvokimas. III. Skaitymo fenomenologija. *XX a. literatūros teorijos. Chrestomatija*. I dalis. Vilnius: LLTI leidykla. 21–58.
- Jauss, H. R. 1989. Question and Answer. Forms of Dialogic Understanding. *Theory and History of Literature*. Vol. 68. Minneapolis: University of Minnesota. Режим доступа: https://www.academia.edu/27739716/Hans_Robert_Jauss_Question_and_Answer_Forms_of_Dialogic_Understanding [см. 12 04 2017].
- Jurgutienė, A. 2013. *Literatūros suvokimo tėnas. Hermeneutikos tradicija*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

REFERENCES

- Artanovskii, S. N. 2012. Ponyatie rodiny: sovremennye modifikatsii. [The meaning of motherland: modern modifications]. *Vestnik SPbGUKI* 3 (16). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-rodiny-sovremennye-modifikatsii>. Accessed: 29 August 2017.
- Astvatsurov, A. A. 2006. Andrei Ivanov i Genri Miller: opyt sopostavitel'nogo analiza. [Andrei Ivanov and Henry Miller: the Experience of Comparative Analysis]. *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. Issue 3, 101–108.
- Berg, M. 2000. *Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature*. [Literaturecracy. The Problem of Giving and Redistribution of Power in Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
- Bezrukov, A. N. 2015. Estetika vozdeistviya teksta na chitatel'skoe soznanie. [The Aesthetics of the Impact of Text on the Reader's Mind]. *Bulletin of the Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute* 1(6), 181–188.
- Belobrovtseva, I. 2014. Pisatel'stvo kak postoyannaya «stadiya zerkala»: Andrei Ivanov, prozaik iz Tallina. [Writing as a Constant "Stage of Mirror": Andrei Ivanov, a Novelist from Tallinn]. *Voprosy literatury* 2, 254–271. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/2/14b.html>. Accessed: 10 May 2017.
- Birger, L. 2010. Roman iz nichego. «Puteshestvie Khanumana na Lolland» Andrey Ivanova. [A Novel Ex Nihilo: Andrei Ivanov's "Hanuman's Journey to Lolland"]. *Kommersant.ru*. 2010.11.22. Available at: <http://kommersant.ru/doc/1544034>. Accessed: 12 April 2017.
- Fomin, K. A. 2015. Kontseptsii retseptivnoi estetiki Khansa Roberta Yaussa kak printsip konstituirovaniya i dinamiki literaturnoi traditsii. [The Concepts of Hans Robert Jauss' receptive aesthetics as a Principle of Construction and Dynamics of Literary Tradition]. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science* 2 (30), 169–176.
- Govorukhina, Yu. A. 2007. Spetsifika sovremennogo literaturno-kriticheskogo teksta kak kommunikativnogo prostranstva. [The Specifics of the Modern Literary Critical Text as Communicative Space]. *Bulletin of the Tambov State University* 4 (48), 22–25.
- Iser, W. 1974. *The Act of Reading*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Iser, W. 2011. Teksto suvokimas: III. Skaitymo fenomenologija. [The Text Perception: III. Phenomenology of reading]. *The Theory of Literature of 20th century. Chrestomathy*. Part I. Vilnius: LLTI leidykla Publ. 21–58.
- Ivanov, A. 2011. Puteshestvie Khanumana na Lolland. [Hanuman's Journey to Lolland]. Moscow: AST, Astrel Publ.
- Ivanov, A. 2015. Ispoved' lunatika. Romany. [Confession of a Lunatic]. Tallinn: Avenarius Publ.
- Jauss, H. R. 1989. Question and Answer. Forms of Dialogic Understanding. *Theory and History of Literature*. Vol. 68. Minneapolis: University of Minnesota. Available at: https://www.academia.edu/27739716/Hans_Robert_Jauss_Question_and_Answer_Forms_of_Dialogic_Understanding. Accessed: 12 April 2017.
- Jauss, H. R. 1994. K probleme dialogicheskogo ponimaniya. [On the Problem of Dialogic Understanding]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy] 12, 97–106.
- Jauss, H. R. 1995. Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya. [Literary History as Provocation of Literary Theory]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 12, 34–84.
- Jurgutienė, A. 2013. *Literatūros suvokimo menas. Hermeneutikos tradicija*. [The Art of Understanding Literature. The tradition of Hermeneutics]. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas Publ.
- Kotyukh, I. 2010. [uchastie v besede] Andrei Ivanov: mne ne nuzhny klyuchi ot kvartiry v Parizhe! [Andrei Ivanov: I don't Need the Keys to an Apartment in Paris!]. *Novye oblaka* 1–2. Available at: <http://tvz.org.ee/index.php?page=430>. Accessed: 15 April 2017.
- Karaev, N. 2011. [uchastie v besede] Andrei Ivanov: prikhoditsya byt' otdel'no ot mira. [Andrei Ivanov: I am Forced to be Separate from the World]. *Rus. Postimees.ee*. Available at: http://www.myestonia.ru/publ/andrej_ivanov_prikhoditsja_byt_otdelno_ot_mira/16-1-0-633?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter. Accessed: 12 April 2017.
- Laukkonen, T. 2013. Baltiiskaya russkaya literatura: pis'mo iz niotkuda? [Baltic Russian Literature: A Letter from Nowhere?]. *Novye oblaka* 1–2. Available at: <https://www.oblaka.ee>. Accessed: 12 April 2017.

Melekhina, N. 2012. Andrei Ivanov. Puteshestvie Khanumana na Lolland. [Andrei Ivanov. Hanuman's Journey to Lolland]. *Znamiya* 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamiya/2012/4/me19.html>. Accessed: 12 April 2017.

Podlubnova, Yu. 2010. Budni «azulyanta». [Everyday Life of an "Asylant"]. *Ural* 12. Available at: <http://uraljournal.ru/work-2010-12-175>. Accessed: 23 April 2017.

Velmet, A. 2016. Vospitanie chuvstv Evgeniya Sidorova i ekonomika affekta v gosudarstve vseobshchego blagosostoyaniya. [Education of the Senses of Yevgeny Sidorov and the Economy of Affect

in a Welfare State]. Translate by O. Rotar'. *Zhurnal "Plug"*. Available at: <http://plug.ee/2016/08/vospitanie-chuvstv-evgeniya-sidorova-i-ekonomika-affekta-v-gosudarstve-vseobshchego-blagosostoyaniya/>. Accessed: 7 May 2017.

Volchek, D. 2010. [uchastie v diskussii] Puteshestvie pisatelya Ivanova po snovideniyam indiiskogo printsa v Danii. *Radiozhurnal "Poverkh bar'erov"*. [The Journey of the Writer Ivanov through the Dreams of an Indian Prince in Denmark]. *Radio Svoboda*. Available at: <http://www.svoboda.org/a/2223723.html>. Accessed: 10 April 2017.

HANUMAN'S JOURNEY TO LOLLAND BY ANDREY IVANOV AS A PROVOCATION OF THE MODERN READER (BASED ON THE POSTULATES OF RECEPTION AESTHETICS)

Aleksandra Shalkine

S u m m a r y

A brief summary of the main concepts of Jauss's aesthetic reception theory is followed by an analysis of the novel *Hanuman's Journey to Lolland* by Andrey Ivanov. By provoking the reader, the author constantly attempts to move their horizons of expectation. Ivanov creates a "novel without a plot" and calls it a travelogue, despite the fact that the storyline does not involve an actual journey. By parodying the chivalric romance and the subsequent jester's romance, the author actualizes the aspects that are important to him and explains the characters' "philosophy of non-resistance." Ivanov's novel is set in a Danish refugee camp, which acts as a parody of the 20th century European social and economic structure. Ivanov's provocative antic cosmopolitanism makes the reader adopt a new perspective on the European policy of refugee integration. Furthermore, the author flirts with the dream of the Soviet people to move to the US, the interpretation of Buddhism and religious

postulates, the traditional notion of a respectable life goal and other aspects. The second part of the article concerns the system of characters. First of all, the toponym "Lolland" is analyzed; then, the names of the main characters (e.g., Hanuman, Eugene, Yevgeny and other variants) are examined. At the same time, a brief analysis of intertextual relationships demonstrates how Ivanov adopts ethical questions raised in the works of classical writers, such as Alexander Pushkin, and transfers them to the 20th century or attempts to find an answer in the modern world with its moral principles. In addition, intertextual relationships with Russian folklore, works by N. Karamzin as well as I. Ilf and E. Petrov are described. The 20th century issue of a lost motherland is also discussed. In conclusion, it can be argued that by provoking the reader in various ways, the author focuses on people of different ages and makes his novel comprehensible and attractive for people of different generations.

ANDREJAUS IVANOVO ROMANAS „HANUMANO KELIONĖ Į LOLANDĄ“ KAIP ŠIUOLAIKINIO SKAITYTOJO PROVOKACIJA (PAGAL ESTETINIO SUVOKIMO TEORIJĄ)

Aleksandra Šalkinė

S a n t r a u k a

Trumpai apibendrinę pagrindinius Jausso estetinio suvokimo teorijos terminus, pereiname prie Andrejaus Ivanovo romano „Hanumano kelionė į Lolandą“ analizės. Provokuodamas skaitytoją, autorius nuolat

bando sujudinti jo lūkesčių horizontus. Ivanovas kuria „romaną be siužeto“, pavadina jį „kelionių knyga“, nors jame nėra jokios kelionės. Parodijuodamas riterių romaną ir vėlesnį juokdurių romaną,

autorius aktualizuoja jam reikalingus aspektus ir aiškina veikėjų „nieko nedarymo filosofiją“. Ivanovo romane aprašyta pabėgėlių stovykla Danijoje – XX a. Europos modelio parodija. Provokuojantis Ivanovo antikosmopolitizmas priverčia skaitytoją kitaip pažvelgti į Europos pabėgėlių integracijos politiką. Be to, autorius žaidžia su visų Sovietų Sąjungos žmonių svajone išvažiuoti į Ameriką, budizmo supratimu ir religijos postulatais, tradiciniu garbingu gyvenimo tikslu ir kitais aspektais. Antroje straipsnio dalyje analizuojama veikėjų sistema. Iš pradžių nagrinėjamas Lolando vietovės pavadinimas, po to – pagrindinių veikėjų vardai (Hanumanas, Judžinas, Eugenijus ir kiti jų variantai). Tuo pat metu trumpa

intertekstualinių ryšių analizė parodo, kaip Ivanovas perima klasikinių rašytojų (pavyzdžiui, Aleksandro Puškino) kūriniuose užduotus etinius klausimus, perkelia juos į XX amžių ar mėgina rasti atsakymą šiuolaikiniame pasaulyje, jo moralinėje sistemoje ir principuose. Taip pat analizuojami intertekstualiniai ryšiai su I. Ilfo ir E. Petrovo, N. Karamzino kūriniais bei rusų tautosaka. Straipsnyje taip pat kalbama apie prarastos tėvynės problemą XX a. žmogaus pasaulėžiūroje. Apibendrinant galima teigti, kad „Kelionės“ autorius provokuodamas skaitytoją įvairiais būdais orientuojasi į skirtingo amžiaus žmones ir „daro“ savo tekstą suprantamą ir įdomų įvairių kartų atstovams.

Получено: 2017, август

Принято: 2017, октябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas
Baltijos kalbų ir kultūrų institutas
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: sam_ale@inbox.lt